

Триггер смены авторской установки в пенталогии Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»

А. П. Бондарев

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
prosaika@yandex.ru*

Аннотация. Статья представляет познавательный интерес, поскольку она содержит экспликацию взаимодействия внутренних и внешних – субъективно-креативных и объективно-деконструктивных – обстоятельств, побуждающих автора корректировать первоначальный замысел. Выстроенная автором художественная картина мира переосмысливается им по мере того, как структура избранного для художественной объективации конфликта предстает более сложной системой внутри- и вне-текстовых корреляций, не предусмотренных исходной авторской установкой. Экспансия темы женитьбы Панурга, выходя за пределы когнитивного потенциала гротеска, выступает триггером, обозначившим переход от изображения природно-социального мира как карнавала к объективации социально-исторического человека как философско-антропологической проблемы.

Ключевые слова: установка, замысел, воплощение, гротеск, циклическое время, линейная история

Для цитирования: Бондарев А. П. Триггер смены авторской установки в пенталогии Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2024. Гуманитарные науки. Вып. 13 (894). С. 127–133.

Original article

The Trigger for a Change in Author's Mindset in Francois Rabelais' Pentalogy "Gargantua and Pantagruel"

Alexandre P. Bondarev

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
prosaika@yandex.ru*

Abstract. The cognitive interest of the article is aimed at explicating the plot-forming interaction of internal and external – subjectively creative and objectively deconstructive – circumstances that prompt the author to correct the original idea. The artistic picture of the world constructed by the author is rethought by him as the structure of the conflict chosen for artistic objectification is revealed by a fan of intra- and extra-textual correlations not envisaged by the original author's intention. The expansion of the theme of Panurge's marriage, going beyond the cognitive potential of the grotesque, acted as a trigger that marked the transition from the perception of the natural-social world as a carnival to the perception of socio-historical man as a philosophical-anthropological problem.

Keywords: author's mindset, concept, implementation, grotesque, cyclical time, linear history

For citation: Bondarev, A. P. (2024). The trigger for a change in the author's mindset in François Rabelais' pentalogy "Gargantua and Pantagruel". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 127–133. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Цель статьи заключается в том, чтобы на примере анализа нарративной структуры пенталогии Ф. Рабле эксплицировать механизм трансформации, претерпеваемый замыслом под воздействием новых исторических фактов, модифицирующих когнитивную модель авторского сознания.

Задача статьи заключается в том, чтобы обосновать историческую необходимость эволюции средневековой литературы от описания карнавальной цикличности природных процессов к экспликации причинно-следственных связей между главами-эпизодами, выстраивающимися в линейную повествовательную структуру.

ЭНТЕЛЕХИЯ ЗАМЫСЛА И СЛУЧАЙНОСТЬ ВОПЛОЩЕНИЯ

Аристотелевский термин энтелехия (*entelecheia* – действительность, деятельность, осуществление) описывает движение от стартового импульса к преднаходимой цели как *возвращение* витального порыва к своему истоку: «Все становящееся движется к какому-то началу, т. е. к какой-то цели (ибо начало вещи – это то, ради чего она есть, а становление – ради цели» [Аристотель, 1976, с. 246].

В сфере художественного творчества аристотелевская энтелехия аналогична труду воплощения замысла, тогда как посещающие автора *случайные* озарения выводят из равновесия его взволнованное бессознательное. Дорожащий выстроенной картиной мира традиционалистский автор склонен «аннулировать» деконструирующее воздействие алеаторических провокаций, непрестанно генерируемых беспокойной историей.

В отличие от преднамеренности *природной* энтелехии, непреднамеренность *исторического* становления, проявляющаяся в «случайном стечении обстоятельств», прерывает цикл органического процесса: «А стечение обстоятельств бывает, когда что-то из этого (преднамеренного. – А. Б.) произошло случайно» [Аристотель, 1984, с. 288]. Случайность, порождающая стечение непредвиденных обстоятельств, подменяет биогенетическую *регрессию* в прошлое социально-исторической *прогрессией* в будущее.

Пенталогия Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», которая складывалась на переходе от Средневековья к Новому времени, эпохально масштабна. Она являет собой яркий пример восприимчивости к изменениям культурного ландшафта. Реагируя на них, автор расширяет диапазон своей рецептивной установки и перерастает сам себя.

Сюжетообразующие отношения между произведением и его эпохой вербализуются в познавательном диалоге автора и героя. Если авторский замысел стремится удерживать героя под своим контролем, апофатическая реакция героя на провоцирующие его алеаторические события побуждает автора интегрировать в свой проект и сюжетно перерабатывать усложняемую неожиданными историческими фактами картину мира. Авторский интерес к усилиям героя различить в лихорадке жизни управляющий ею ноуменальный проект возвышает произведение до уровня *классического*, снимающего антиномию вневременной нормативности и преходящей случайности [Гадамер, 1988].

Промежуточное положение пенталогии Рабле между эсхатологической дедукцией Данте и исторической индукцией Сервантеса облекло ее в форму *гротеска*, который свел в диалоге *аллегорическое подчинение* единичного всеобщему [Шеллинг, 1966], определившее вертикальную иерархию «Божественной комедии», с установлением *метафорических отношений* между родовыми и видовыми категориями [Аристотель, 1984], породившими эпистемологическую поэтику «Дон Кихота».

Сведение в гротескных образах аллегоризма Данте с метафорикой Сервантеса актуализировало *моменты продуктивного перехода* от аллегорического мышления априори к метафорическому мышлению апостериори и обратно. «Гротескный образ, – разъясняет свои наблюдения М. М. Бахтин, – характеризует явление в состоянии изменения, незавершенной еще метаморфозы...» [Бахтин, 1965, с. 30].

Если в свете теологической дедукции Данте человеческая жизнь как часть управляется Божьей волей, а в свете эмпирической индукции Сервантеса человеческое общество как целое флуктуирует в конфликте эгоистических интересов, гротескная этиология Рабле воспринимает существование как *взаимобусловленность* части и целого – индивида и мироздания.

Вселенский масштаб гротескного мировидения Рабле позволил М. М. Бахтину провести аналогию между человеческим телом и космосом: «Гротескное тело космично и универсально: оно отражает в себе космическую иерархию», – вербализует М. Бахтин космогоническую интуицию Рабле в главе «Гротескный образ тела у Рабле и его источники» [Бахтин, 1965, с. 345]. Гротескных персонажей Рабле подготавливают сказочные сюжеты о великанах и пародийные образы героев ренессансных ироикомических эпопей: Пульчи («Большой Моргант»), Боярдо («Влюбленный Роланд»), Ариосто («Неистовый Роланд»), Фоленго («Бальдус»).

Энтелехия природной преднамеренности позволяла Грангузье, Гаргантюа и Пантагрюэлю пребывать в вечно длящемся «здесь и теперь» (*hic et nunc*), доверяясь циклам произрастающей, цветущей и плодоносящей природы. Фольклорные великаны и царственные особы, отмеченные беспримерным по земным меркам могуществом, вальяжно пребывают в состоянии вечного «да» природного мира, который со своей стороны самоосуществляется в них по законам органической регуляции (*Глава XXXVIII. О том, как Гаргантюа вместе с салатом проглотил шестерых паломников*).

Раблезианский гротеск образно опредметил процесс метаболизма – взаимообусловленность ассимиляции и диссимиляции. Переносу метаболических процессов на социальную историю способствовал врачебный профессионализм Рабле, подтвержденный в 1537 году присуждением ему в Монпелье степени доктора медицины. Пенталогия Рабле поэтизирует закон *органической регуляции* как природную феноменологию, объемлющую своим космоизмом преходящие социальные формы жизнеустройства. Согласно интерпретирующей творчество Рабле концепции М. М. Бахтина, метаболизм феноменологизируется в карнавальном действе. Восприятие природной диалектики как единства и борьбы противоположностей позволило Рабле проникнуться глубоким мировоззренческим смыслом карнавальной культуры. В книге «Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» природная диалектика рождения и смерти описывается М. М. Бахтиным в образах карнавала, кульминация которого выливается в бурлескное коронование шута и травестийное развенчание короля.

ПРОБЛЕМА ЖЕНИТЬБЫ ПАНУРГА: ПОЛЕМИКА НЕПРЕДНАМЕРЕННОСТИ ИСТОРИИ С ПРЕДНАМЕРЕННОСТЬЮ ПРИРОДЫ

Имя Панург переводится с греческого как *хитрец, ловкач*. Он – узнаваемый герой испанской пикарески, французского «roman bourgeois» и европейского авантюрно-бытового романа. Типологически к нему примыкают гуманист Понократ, гедонист Эвдемон, ловкий ратоборец Гимнаст, пограсстрига брат Жан Зубодробитель, философствующий интеллигент Эпистемон, Эвсфен, Эвдемон, Карпалим и некоторые другие эпизодические персонажи. Они – бесосновные герои-рассказчики, функции которых восходят к слушателям, заинтересованно обсуждающим проблемные сюжеты тематически организованных новеллистических

сборников типа «Декамерона» Д. Боккаччо, «Кентерберийских рассказов» Д. Чосера, «Новеллино» Г. Мазуччо, «Гептамерона» М. Наваррской и др.

Плутовство Панурга – защитная реакция его психики на агрессивную жестокость большого авантюрного мира – способ выживания в *непредсказуемом* по своим последствиям конфликте между природными и социальными императивами. Необходимость уклониться от роли жертвы их драматического столкновения развивает его прогностическую аналитику, благодаря которой он перерастает отведенную ему замыслом роль эпизодического персонажа. Панурга выделяет из ряда живущих в *надежном настоящем* друзей Пантагрюэля желание обрести в *ненадежном будущем* семейное благополучие с любящей, верной и заботливой супругой.

Осознание запутанности гендерных отношений возвышает Панурга до протагониста, оттесняющего на второй план социально беспроblemных Пантагрюэля и его жизнерадостное окружение. Пробудившаяся в Панурге историческая интуиция как механизм психической защиты подсказывает ему, что законный брак являет собой уязвимый компромисс между законами природы и доктринальной моралью.

Череда безучастных – равно поощряющих и предостерегающих – реплик Пантагрюэля, возрождающих жанр средневековых «рикошетных песен», исключает определенность прогноза семейного будущего Панурга.

В «Разговорах запросто, или Домашних беседах» Эразма Роттердамского у Эха нет собственного мнения, и оно репризой откликается на последние слова формулируемых Юношей вопросов:

Юноша. А мне какую идти в жизни дорогой?

Эхо. Строгой.

Юноша. Не жениться ли, благослови боже?

Эхо. Позже.

И т. д. и т. п.

Настороженное ожидание каверз со стороны зыбкого будущего превратило Панурга в аналитического посредника между двусмысленными рекомендациями советчиков, не ведающих о генезисе и культурно-исторических перипетиях растянувшегося с 9-го до 7-го тысячелетия до н. э. перехода от матриархата к патриархату (В. Райх). Успешно воплощаемый в первой, второй и в начале третьей книгах ироничный по отношению к преходящим социальным институтам замысел изображения матриархального мироустройства (мира как «Матери природы» в образе Гаргамеллы), проблематизировался вторжением «отцовского права» (мира как Истории), навязавшего «материнскому праву» (Л. Морган, Я. Баховен,

Ф. Энгельс) религиозно-этический нормативизм первородства – возрастного и имущественного наследования.

Восстановление хронологического (биографического) континуума сюжетного дискурса, который Рабле считал нужным соблюсти, поместив вторую книгу о Гаргантюа перед опубликованной ранее книгой о Пантагрюэле, симптоматизировало эволюцию автора от насмешливых пародий на генеалогические *поколенные росписи* к выявлению причинно-следственных связей между историческими событиями. Интерес автора к порождающему линейную историю взаимодействию личной инициативы и невозмутимой самостоятельности объективного мира повлек за собой постепенный отказ от калейдоскопической композиции в пользу линейного сюжета.

ОТ ЦИКЛИЧНОСТИ ПРИРОДНЫХ ПРОЦЕССОВ К НЕПРЕДСКАЗУЕМОЙ СОБЫТИЙНОСТИ ЛИНЕЙНОЙ ИСТОРИИ

Невовлеченность Пантагрюэля и его друзей в дела исторического мира обуславливает произвольное чередование фабульных тем. Синтагматика флуктуирующих эпизодов не управляется цепным, тематическим, параллельным, лучевым или ассоциативным типами связи. Лишь обнажившая свою внутреннюю проблемность шутовская дискуссия о браке, завязавшаяся в главе IX третьей Книги, нарушает принцип коллажного сочетания самозарождающихся эпизодов. Проект раблезианской пенталогии корректируется по мере того, как выстроенная замыслом картина «мира как природы» усложняется проблематизирующей ее картиной «мира как истории».

Вплоть до девятой главы третьей книги теологические, философские, педагогические и социальные коллизии, формировавшие проблемное ядро автономных эпизодов, легко разрешались даже внутри таких линейных сюжетов, как воспитание и образование Гаргантюа, война Грангузье с Пикрохолом (Picrochole) и утопия Телемского аббатства.

Гротеск обесценивал схоластическую педагогику Тубала Олоферна так же эффективно, как последняя – гуманистическую методику Понократа. Их корреляция, «намечая оба полюса изменения», феноменологизировала *взаимообусловленность* традиции и новаторства. Обучение Гаргантюа учителями-собронниками, непомерно растянутое во времени и игнорирующее насущные требования жизни, травестировалось в формально практическую, но содержательно столь же консервативную педагогику Понократа. Гротескное сближение телесного и

духовного обесценивает серьезность ренессансного гуманизма: самонадеянно возводя себя в принцип, он легко срывается в догматизм. Поработившая разумную волю Понократа компульсивность трансформировала его врожденное здравомыслие в тот упрямый консерватизм, которому он сам же объявил войну. Бескомпромиссно отвергнув школу (scola) собронников, Понократ не считал нужным отметить *преemptивную* связь гуманистического новаторства со схоластической традицией, обогатившей гуманитарную науку *спорами об универсалиях* – полемикой номиналистов с реалистами, прояснению сути которой способствовал Уильям Оккам, отделивший светскую философию от богословия.

Экзистенциальная проблема войны и мира, объемлющая междоусобицу Грангузье с Пикрохолом, так же легко разрешается возведением к гиперболе – крайней форме гротескного преувеличения – самоубийственной амбициозности Пикрохола. Великолепному Грангузье, вольному жителю мира плодоносящей природы и необъятного космоса, чужды невротические амбиции Пикрохола, узника социального микрокосма.

Главы, посвященные Телемскому аббатству, пародируют как средневековые монастырские нравы, так и ренессансные утопии Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы, настаивавшие на строгой регламентации образовательной, трудовой и семейной жизни. Пенталогия Рабле альтернативно-монологически противопоставляет им утопическую модель *анархического коллективизма*.

Онтологические интуиции Рабле предвосхищают некоторые принципиальные положения учения о либеральных свободах, сформулированные в трактате Монтескье «Дух законов». Однако универсальное понимание регулятивного принципа природной этиологии делает для Рабле излишней постановку вопроса о *гарантиях* государственной и социальной стабильности. Она обеспечивается всеобщим признанием законодательной роли метафизически и этически понимаемого *блага* (эйдоса), обоснованию которого уделяется важное место в трактате Платона «Государство». Инерция гротескного мировидения руководствуется вневременной мудростью вселенского процесса органической регуляции.

Принудительной строгости монастырского аскетизма Рабле противопоставляет великодушную снисходительность Телемского гедонизма. Прибегая к «доказательству от противного» (contradictio in contrarium) – опровержению отрицания – брат Жан отвергает монастырский уклад, чтобы возродить его же на комичных принципах *естественного*, но уже *гуманистического отбора*.

На этом анархо-коллективистском фоне вопрос о причинах возможных конфликтных отношений

между супругами неожиданно для участников дискуссии вырастает в большую историческую проблему, которую не по силам разрешить веселому гротескному сближению исторических, этических, эстетических, культурных, социальных, гендерных и психофизических форм, конституирующих функционирование семьи. Каждая из этих форм ретроспективно и проспективно обнаруживала свою амбивалентность, исключая надежный прогноз даже в границах ее собственной компетенции, не говоря уже о перспективах того симбиотического целого, которое они в совокупности образовывали.

В этой точке бифуркации единичного и всеобщего непреднамеренность истории вовлекалась в полемику с преднамеренностью природы. Если энтелехия направлялась биогенетической наследственностью, технический прогресс создавал невозможные в природе комбинации органического и механического, радикально преобразовавшие способы и формы человеческого существования. Углубление всемирно-исторического конфликта между природой и обществом породилось спонтанной логикой научных открытий.

В статье «Рабле и его роман. Опыт генетического объяснения» А. Н. Веселовский объясняет причину растянувшейся на годы переориентации Рабле с поэтики гротеска на поэтику истории: «Необходимо заметить, что роман Рабле писался долго, в течение почти 20-ти лет, и на больших расстояниях: между 2-й и 3-й книгой прошло около 14-ти лет; последняя, пятая, книга вышла лишь по смерти автора. В это долгое время пережито было многое и французским обществом, и кружком людей Возрождения, и самим Рабле: изменились точки зрения, поубавилось надежды; те “высокие и страшные таинства”, которые он приглашал искать в первой книге своего романа, должны были утратить свое значение, потому что жизнь и собственный опыт поставили новые требования, новые таинства – для разгадки» [Веселовский, 1939, с. 401].

Необходимость разгадывать «новые (исторические) таинства жизни» и осмысливать трудно различимый в их непрозрачной глубине «собственный (биографический) опыт» побуждала Рабле вникать в перспективы взаимодействия цикличности «вечного возвращения» с каузальностью вечной изменчивости.

ПЕРЕНОС ОТВЕТСТВЕННОСТИ И АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ИСТОРИИ

Архаичный человек вверялся океаническому потоку природной энтелехии, проецируя на свою судьбу объясняющие ее этиологические мифы.

Принимающая формы плутовства адаптационная психическая функция Панурга выступала защитной реакцией вынужденного выживать в социальной истории безосновного индивида.

Перенос ответственности, к которому по инерции прибегает Панург, мотивируется его желанием не совершить ошибочного выбора. Гадания по Гомеру, Вергилию, по снам, расшифровка видений Панзуской сивиллы, выпытывания советов у брата Жана, Немого, Несдекабра (*Nez de cabre* – Козий нос), френолога и оккультиста Герр-Триппы (Генриха Корнелия Агриппы Неттесгеймского), богослова Гиппофадея, лекаря Рондибилуса, апелляция к символике чисел, толкование «лебединой песни» поэта Раминогробиса и т. д. и т. п. – с гносеологической точки зрения представляют собой намерение Панурга рассеять темноту своего будущего направив на него объясняющий свет мифологических архетипов. Согласно К. Г. Юнгу, мифологема, «которые всем хорошо известны, <...> далеки от окончательного оформления и продолжают служить материалом для нового творчества. Мифология есть движение этого материала: это нечто застывшее и мобильное, субстанциональное и все же не статичное, способное к трансформации» [Юнг, 1996, с. 13].

Однако историческая типологема, подобно роману Нового времени, в русле которого самосуществляется наррация пенталогии Рабле, автономна и восходит к собственному, не выводимому из мифа генетическому коду. Если понимание В. Н. Топоровым исторического события как «максимального удаления от сферы сакрального и, в частности, от мифа» справедливо [Топоров, 1980, с. 573], эзотерические откровения, доводимые до смертных оракулами, прорицателями и пророками, корректируются тем радикальнее, чем дальше требующее контекстуальной дефиниции беспрецедентное историческое событие удаляется от ядра мифа: такое надмирное, еще не начавшее сбываться событие ничего не ведает ни о себе, ни тем более – о той роли, которую уготовляет ему всегда революционное будущее. Устанавливая преемственность настоящего с прошлым, типологема вступает в диалог с мифологическим архетипом, обогащая его своей конкретикой, а перерабатывающий новое историческое содержание архетип возводит типологему до статуса своей аподиктичности [Бондарев, 2023].

Расплывчатость прогнозов толкователей и советчиков, обусловленная запутанностью дискуссионного феномена, подтверждает беспокоящее Панурга опасение не выстоять в агрессивной конкурентной среде. Если закон естественного отбора обрекал организмы на межвидовую борьбу,

борьба за самоактуализацию необходимо облекалась в формы социального дарвинизма. Утрата олимпийскими богами атрибутов всеведения и всемогущества провоцировала в позднеантичном человеке недоверие к ним, а страх перед будущим побуждал культивировать в себе прометеевское предвидение.

Многозначительность эхоподобных ответов, перекладывая на Панурга ответственность за последствия принятого решения, иносказательно призывала его не страшиться истории, но, руководствуясь осваиваемым жизненным опытом, добиваться реализации оптимистического варианта двусмысленного прогноза. Если энтелехия *даровалась* архаическому человеку его бытием в природе, требование становления *задавалось* историческому человеку его бытием в культуре.

Гадания, сны и их толкования, эти посланцы минувшего, возвращали мысль Панурга в уже изжитое им прошлое. «Сны ваши, – резюмирует Пантагрюэль, – лишь подтверждают гадания по Вергилию: быть вам рогатым, быть вам битым, быть вам обобраным» (Ф. Рабле. *Гаргантюа и Пантагрюэль*).

Однако вызывавшая страх архаичного человека (М. Элиаде) инерция непредсказуемости воспринималась «максимально удаленным от мифа» историческим человеком как более эвристическая, чем неисчерпаемый на выдумки гротеск: «Наоборот, – с наивным юношеским оптимизмом парирует Панург прогноз Пантагрюэля, – стих указывает на то, что жена будет любить меня любовью совершенною» (Ф. Рабле. *Гаргантюа и Пантагрюэль*).

ОТ МИФА О ВЕЧНОМ ВОЗВРАЩЕНИИ К МИФУ О ВЕЧНОМ СТАНОВЛЕНИИ

Осознание Пантагрюэлем и его спутниками необходимости разобраться в диалектике конфликта между природной свободой и социальной необходимостью побуждает их пуститься в эпистемологическое странствие за достоверным знанием к Бакбук, оракулу божественной бутылки (*l'oracle de la dive bouteille*). Цель хронотопического путешествия, обнажившего перед ними *время* как жизненный *путь*, а жизненный путь как понимание направления его хода, преобразовала гротескную установку Рабле в когнитивную. Напутственный монолог Бакбук концептуально обрисовал перспективу перехода природного «мифа о вечном возвращении» (Ф. Ницше) к историческому мифу о вечном становлении: «И вот когда ваши философы... всецело отдадутся тщательным изысканиям и исследованиям... они постигнут, насколько прав был мудрец Фалес, который на вопрос

египетского царя Амазиса, что на свете разумнее всего, ответил “Время”, ибо только время открывало и будет открывать все сокровенное, и вот почему древние называли Сатурна, то есть Время, отцом Истины, Истину же – дочью Времени» (Ф. Рабле. *Гаргантюа и Пантагрюэль*).

Креативное своеобразие истории, подобно гетевскому Мефистофелю, вечно желает зла мифологическому человеку и вечно одаривает новыми знаниями взыскующего смысла исторического индивида, направляя его поиски к результатам, превосходящим первоначальные ожидания. И. В. Гёте, автор романа «Ученические года Вильгельма Мейстера», приглашал И. Эккермана «обратить внимание на слова Фридриха, обращенные в конце к нашему герою: “Ты похож на Саула, сына Киса, который вышел, чтобы искать ослиц своего отца и нашел царство”» [Эккерман, 1934, с. 268].

Четвертая и Пятая книги пенталогии Рабле деконструируют жанры религиозных паломничеств и морских путешествий. Эвристический потенциал хронотопа увенчивает паломничества к святым мощам внезапными духовными озарениями, а поиски кратчайших торговых путей – великими географическими открытиями, воспетыми Л. де Камозншем в поэме «Лузиады». Курьезы экзотических форм жизни островных государств – Прокурации, Каремпренана, Колбас, Папеманов, Папефигов, Пушистых котов, Звонкого острова – обнажали перед путешественниками удручающе знакомое: религиозный фанатизм, судебное крючкотворство, корыстное лицемерие, нечестную борьбу за привилегии, бесчеловечную жестокость, прямой обман и другие порождаемые душевной низостью и умственной неразвитостью пороки. Иносказательно отвечая на вопрос о женитьбе Панурга, социально-историческое содержание которого далеко выходит за границы семейных отношений, определяя при этом их внутреннюю диалектику, Бакбук призвала паломников пуститься в обратный путь к самообретению в свободном познании свободного от догматов божьего мира: «Идите, друзья мои, и да хранит вас та интеллектуальная сфера, центр которой везде, а окружность нигде, и которую мы называем Богом» (Ф. Рабле. *Гаргантюа и Пантагрюэль*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Труд воплощения вовлекал Рабле в анализ порождающего и направляющего линейную историю конфликта между борющимися за свою свободу от природы духом и отстаивающей свою независимость от духа природой. Экспансия темы

женитьбы Панурга, выходя за пределы когнитивного потенциала гротеска, выступила триггером, обозначившим переход от изображения

природно-социального мира как карнавала к объективации социально-исторического человека как философско-антропологической проблемы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аристотель. Метафизика // Сочинения : в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
3. Шеллинг Ф. В. Философия искусства. М.: Мысль, 1966.
4. Аристотель. Поэтика // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4.
5. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965.
6. Веселовский А. Н. Раблэ и его роман. Опыт генетического объяснения // Веселовский А.Н. Избранные статьи. Л.: Государственное издательство «Художественная литература», 1939. С. 398–464.
7. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996.
8. Топоров В. Н. История и Мифы // Мифы народов мира: в 2 т. М.: Советская Энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 572–574.
9. Бондарев А. П. Мифологемы мифа и типологемы истории // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 114–122.
10. Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.–Л.: Academia, 1934.

REFERENCES

1. Aristotel' (1976). Metafizika = Metaphysics. In Sochineniya (vol. 1): in 4 vols. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
2. Gadamer, H.-G. (1988). Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenevtiki = Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics. Moscow: Progress. (In Russ.)
3. Shelling, F. V. (1966). Filosofiya iskusstva = Philosophy of Art. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
4. Aristotel' (1984). Poetika = Poetics. In Sochineniya (vol. 4): in 4 vols. (In Russ.)
5. Bakhtin, M. M. (1965). Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa = The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
6. Veselovskij, A. N. (1939). Rable i ego roman. Opyt geneticheskogo ob'yasneniya = Rabelais and his novel. The experience of genetic explanation. In Izbrannye stat'i (pp. 398–464). Moscow: Leningrad: Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
7. Yung, K. G. (1996). Dusha i mif: shest' arhetipov = Soul and Myth: Six Archetypes. Kiev. (In Russ.)
8. Toporov, V. H. (1980). Istoriya i Mify = History and Myths. In Mify narodov mira (vol. 1, pp. 572–574): in 2 vols. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)
9. Bondarev, A. P. (2023). Mythologems of myth and typologems of history. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 13(881), 114–122. (In Russ.)
10. Ekkerman, I. P. (1934). Razgovory s Gete v poslednie gody ego zhizni = Conversations with Goethe in the last years of his life. Moscow – Leningrad: Academia. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондарев Александр Петрович

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bondarev Alexandre Petrovich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of Russian and Foreign Literature
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.09.2024
28.09.2024
21.10.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication